

ISSN 0206-5649

Русское ЯЗЫКО- ЗНАНИЕ

6

1983

*Министерство высшего и среднего
специального образования УССР
Киевский ордена Ленина
государственный университет им. Т.*

Русское ЯЗЫКО- ЗНАНИЕ

*Республиканский
межведомственный научный сборник*

Основан в 1980 году

ВЫПУСК 6

КИЕВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ КИЕВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1983

В сборнике исследуются вопросы развития русского языка и его взаимодействия с другими языками народов СССР, история лексики и грамматики. Рассматриваются актуальные проблемы русского словообразования, теории и практики русской художественной речи, вопросы антропонимии и этимологии.

Для научных работников, преподавателей вузов, учителей средних школ, студентов-филологов.

Редакционная коллегия: М. А. Брицын, д-р филол. наук, проф., В. А. Горпинич, д-р филол. наук, проф., А. Д. Зверев, д-р филол. наук, проф., Г. П. Ижакевич, д-р филол. наук, проф. (зам. отв. ред.), В. В. Ильенко, д-р филол. наук, проф., М. А. Карпенко, д-р филол. наук, проф. (отв. ред.), Ю. А. Карпенко, д-р филол. наук, проф., В. П. Ковалев, д-р филол. наук, проф., В. И. Кононенко, д-р филол. наук, проф. (зам. отв. ред.), В. И. Макаров, канд. филол. наук, доц. (отв. секр.), Г. И. Макарова, канд. филол. наук, доц., Е. С. Отин, д-р филол. наук, проф., В. И. Петровский, д-р филол. наук, проф., Ф. П. Сергеев, д-р филол. наук, проф., М. В. Симулик, канд. филол. наук, доц., Л. Г. Скалосуб, д-р филол. наук, О. М. Соколов, д-р филол. наук, проф., Г. М. Чумаков, д-р филол. наук, проф., А. Н. Шилловский, д-р филол. наук, проф., Г. И. Шкляревский, канд. филол. наук, доц.

Адрес редакционной коллегии: 252017, Киев-17, ул. Владимирская, 64, госуниверситет,* филологический факультет, тел. 21-03-30.

Редакция литературы по филологии и журналистике
Зав. редакцией М. Л. Скирта

РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Выпуск 6

Редактор Э. Н. Логвиненко

Художественный редактор З. Т. Манойло

Технический редактор Н. Н. Бабюк

Корректоры А. И. Бараз, М. Г. Ехлакова, З. П. Чиркова

Информ. бланк № 7143

Сдано в набор 17.02.83. Подп. в печать 06.10.83. БФ 03218. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Выс. печать. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 8,25. Уч.-изд. л. 9,29. Тираж 700 экз. Изд. № 1845-к. Зак. 3—599. Цена 1 р. 40 к.

Издательство при Киевском государственном университете, 252001, Киев-1, ул. Крещатик, 4.

Отпечатано с матриц Головного предприятия РПО «Полиграфкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3 в Киевской книжной типографии научной книги. 252004, Киев-4, ул. Репина, 4. Зак. 3—142.

Р 4602010000—126
М224(04)—82 538—83

© Издательское объединение
«Вища школа», 1983

Г. Ф. КАЛАШНИКОВА, д-р филол. наук, Харьк. пед. ин-т

ПРОТЯЖЕННОСТЬ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАК СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ

Размер синтаксической единицы — одна из существенных характеристик структуры, ибо, как заметил еще Ф. де Соссюр, любое синтаксическое единство, рассматриваемое с точки зрения линейного соотношения элементов, «сразу же вызывает представление о последовательности и *определенном числе* (курсив мой. — Г. К.) сменяющих друг друга элементов»¹. Поэтому изучение синтагматических отношений любой синтаксической единицы должно быть неразрывно связано с выяснением их протяженности, количества распределенных в пространстве единиц, связанных линейными отношениями. В данной статье рассматривается протяженность многокомпонентных сложных предложений, т. е. их размер, понимаемый как количество линейно развертываемых предикативных единиц от точки до точки. Исследование протяженности сложного предложения помогает вскрыть внутренний механизм его как синтагматического единства, формирующегося в результате сочетаемости компонентов друг с другом, взаимного приспособления их структуры и семантики в акте коммуникации.

Многокомпонентное сложное предложение является прежде всего синтагматическим единством, формирующимся в результате закономерного сцепления предикативных единиц в акте речи. Однако синтагматика не существует без парадигматики, а синтагматические единства — без парадигматического аспекта. Б. Н. Головин справедливо замечает, что «структура речи, развертываясь во времени, выбирает на каждом шаге своего движения один из членов той или иной парадигмы»², поэтому изучение с точки зрения синтагматики того или иного синтаксического построения в конечном счете оказывается невозможным без обращения к его парадигматическому аспекту. Не представляют в этом плане исключения и многокомпонентные сложные предложения (МСП), изучение размера которых как синтагматических единств невозможно без обращения к их парадигмам. Каждая из языковых моделей МСП (конструкция с соподчинением, с последовательным подчинением и т. д.) воспроизводится в речи в виде синтаксических вариантов, выделяемых по количеству усложняющих модель компонентов. Реализация вариантами одной и той же принципиальной структурной схемы и тождество их типового структурного значения позволяют усматривать в них парадигматический (синтаксический) ряд³. В синтаксической семантике вариантов каждой модели МСП есть общий семантический признак — типовое значение, присущее инварианту,

что и позволяет объединить синтаксические варианты в парадигматический ряд. Основой закономерного варьирования моделей МСП по количественному признаку являются их вариантно-постоянные признаки, предопределяющие потенциальный количественный состав конструкции. Если рассмотреть, например, в конструкции с последовательным подчинением варианты, выделяемые по количеству усложняющих модели компонентов, то окажется, что все они реализуют одну и ту же схему конструкции с последовательным подчинением и сохраняют тождество типового структурного значения, которое для последовательного подчинения заключается в передаче языковыми средствами осознанных мышлением объективных иерархических отношений между элементами сложной ситуации, связанных с уточнением признаков вглубь.

Разумеется, выделение парадигм по количественному признаку не исключает, ввиду многомерности МСП, и других видов вариативных рядов. Может возникнуть впечатление, что только семантическая парадигма отражает внутренние свойства МСП, тогда как количественная парадигма является чисто формальным, внешним признаком, ничего не сообщаящим нам о внутренней сути полипредикативных сложных предложений. Однако применение методов теории информации к исследованию выделяемых с учетом количественного признака парадигм различных МСП позволяет вскрыть закономерности, связанные с внутренними свойствами и потенциальными возможностями синтаксических моделей передавать информацию. Известно, что термин «информация» неоднозначен в современной науке, и эта неоднозначность отражена и в толковании его в философском словаре. В первом значении под информацией понимаются «некоторые сведения, совокупность каких-то данных, знаний»⁴. Во втором значении информация — «одно из основных понятий кибернетики». Второе понятие информации во многом отвлечается от содержательной стороны сообщений, беря их количественный аспект. Так, вводится понятие количества информации, определяемое как «величина, обратно пропорциональная степени вероятности того события, о котором идет речь в сообщении»⁵. Двойственное толкование термина «информация», характерное для современной лингвистики, не могло не отразиться и в данной работе. Признавая несовершенство этого термина, его двусмысленность, мы пользуемся им, подразумевая под информацией содержание, смысл, суть синтаксических единиц или их частей и делая оговорки для тех случаев, когда термин используется в значении «количества информации», т. е. «мера сложности структур, предлагаемых восприятию»⁶. Применение положений теории информации к анализу синтаксических рядов каждой модели МСП позволило сравнить эти модели с точки зрения заложенных в них потенциальных способностей «служить инструментом передачи содержания»⁷.

Второе понятие информации связано с понятием вероятности события, которую описывают как частоту появления того или иного исхода события⁸. Употребительность моделей МСП и их вариантов характеризуется известной устойчивостью, те или иные варианты МСП повторяются с одинаковой (в пределах каждого варианта) частотой, что позволяет говорить о вероятности их появления в тексте и определить по формуле $n_{cp} = \sum n_i p_i / 100$ среднестатистическое количество компо-

нентов как показатель средней величины каждого из синтаксических рядов.

Как показывает анализ, средняя величина неодинакова у разных синтаксических рядов, и это позволяет сделать вывод о том, что МСП различаются потенциальным количественным составом.

Анализ синтаксических рядов с точки зрения реализации заложенно-го в каждой модели МСП потенциального количественного состава показал, что в целом размер сложного предложения регулируют факторы как языковые, так и внеязыковые. Определяющим внеязыковым фактором является предел объема оперативной памяти человека. В зависимости от формы речевой деятельности (устной или письменной речи) этот фактор определяет разные пределы разворачивания сложного предложения, но в целом регулируется миллеровским числом 7 ± 2 . Статистическая обработка материала показывает, что в художественном и публицистическом стилях письменной речи предикативное усложнение не превышает предела объема оперативной памяти, а полипредикативное предложение в среднем содержит четыре — восемь компонентов. Сравнение синтаксических рядов по средней величине вместе с тем показывает, что границы предикативного усложнения каждой конструкции индивидуальны. Вероятность дальнейшего усложнения любой конструкции ничтожно мала. То, что границы предикативного усложнения у разных конструкций неодинаковы, свидетельствует о наличии проблемы изучения грамматических способов передачи содержания с точки зрения их наибольшей целесообразности для выполнения коммуникативной функции. Синтаксические модели полипредикативных предложений, основанные на разных типах связей, таят в себе различные потенциальные возможности усложнения. Так, конструкции с неоднородным соподчинением, с последовательным подчинением и некоторые другие перестают усложняться после пяти — семи компонентов, они имеют возможность включать всего два — четыре усложняющих компонента. Вместе с тем конструкции с последовательным соподчинением, двойным соподчинением и последовательным подчинением и ряд других способны образовывать предложения «сверхмаксимальной длины», т. е. включающие более девяти компонентов, причем конструкции вполне удобны для смыслового восприятия. В чем же причина этого явления? Для ответа на вопрос были составлены графики вероятности появления конструкций и графики объема информации в них. Они позволили обнаружить зависимость между типом связи и возможностями предикативного усложнения и показать, во-первых, что во всех моделях информационная емкость конструкции растет пропорционально усложнению; это позволило выявить характеристику конструкции. С прибавлением нового усложняющего компонента объем информации в конструкции увеличивается пропорционально росту числа усложняющих компонентов. Во-вторых, темп роста информационной емкости конструкции во всех моделях неодинаков, о чем свидетельствует разный угол наклона функции объема информации к оси абсцисс.

Сопоставление типа связи между компонентами, являющегося важнейшей синтаксической характеристикой структуры полипредикативных единиц, с возможностями их усложнения позволяет предположить,

что способы целесообразной организации, структурирования делают даже значительно усложненные предложения хорошо приспособленными для смыслового восприятия. Анализ свидетельствует о том, что большие ресурсы для расширения (по сравнению с одномерными моделями) заложены в конструкциях, основанных на контаминации разных способов связей. Темп роста информационной емкости в них заметно снижается по сравнению с конструкциями, включающими только один способ связи. Предикативное усложнение увеличивает информационную емкость полипредикативной конструкции на определенную величину, что могло бы привести к ухудшению восприятия, однако в языке заложен особый лингвистический механизм, располагающий лингвистическими способами, с помощью которых человек использует объем оперативной памяти более полно.

Важнейшие из языковых способов, увеличивающие «пропускную способность» оперативной памяти и делающие синтаксические модели более компактными, емкими и удобными для восприятия, — это блокирование, группировка компонентов в процессе их сочетаемости в составе МСП и сочетаемость разных способов связи как средство организации сложного предложения в многомерную структуру.

Приведем пример группировки компонентов в конструкции с обратным соподчинением придаточного: *Когда приятели вернулись в свой город, был уже ноябрь и на улицах лежал глубокий снег*⁹. Сочетаемость разных способов связи как средство организации сложного предложения в многомерную структуру наглядно подтверждается пространственным моделированием, которое мы применяем с целью выявить влияние сочетаемости разных способов связи на границы протяженности членов синтаксических рядов. Пространственная модель, приводимая далее для доказательства выдвинутых положений, вторична по отношению к языковой модели МСП; по отношению к первичной языковой модели она является метаязыком, моделью второго порядка, цель которой — **н а г л я д н о п о к а з а т ь**, что протяженность МСП не равна просто сумме составляющих ее предикативных единиц, а зависит от способа сочетания этих предикативных единиц.

Расположим в системе координат признакового пространства пятикомпонентное предложение с последовательным подчинением: *Ей показалось, что начал разговор, который она не раз представляла себе много лет назад, когда еще жива была мысль о встрече с Кириллом и о том, как объяснить ему замужество, необъяснимое для самой Лизы*¹⁰ — и пятикомпонентную же конструкцию с сочинением и последовательным подчинением: *Сестра раньше никогда не бывала на репетициях, и теперь, вероятно, ее мучила совесть, и она боялась, как бы отец не узнал, что она без его позволения была у Ажогиных*¹¹. На оси *x* располагается многокомпонентное сочинение, на оси *y* — последовательное подчинение, на оси *z* — неоднородное соподчинение в системе трех координат. Рисунки наглядно показывают, насколько компактней становится конструкция при сочетаемости разных способов связи. Диагональ пространственной модели, представленная вектором $\overline{oa}$ (рис. 3), условно отражает пространственную протяженность многокомпонентного сложного предложения, которая за счет целесообразного исполь-

зования признакового пространства будет меньше, чем линейная протяженность того же количества компонентов, объединенных только одним способом связи (на рис. 1 компоненты заполнили только одну ось).

Еще наглядней демонстрирует компактность, целесообразность организации конструкции суммарный вектор в трехмерной модели с двойным соподчинением и последовательным подчинением: *Этот человек, который погиб у него в первый же день боев, которого он очень мало знал, был для него товарищем по оружию, одним из многих, которые дрались рядом с ним и погибли рядом с ним, тогда как он сам остался цел*¹². Пространственная модель этого предложения представлена на рис. 4 в виде параллелепипеда.

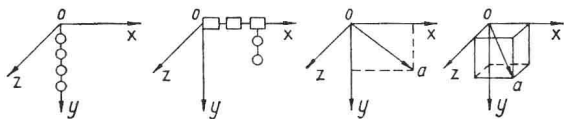

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рисунки с пространственным моделированием показывают, что при сочетаемости разных способов связи вектор не увеличивается, а, наоборот, уменьшается, хотя из факта прироста числа усложняющих конструкцию компонентов можно было бы ожидать обратного. Условная величина вектор в нашем случае характеризует фактическую протяженность МСП с точки зрения воспринимающего, т. е. компактность МСП.

Максимальное использование комбинаций разных связей (что проявляется в различного рода контаминациях) является лингвистическим способом увеличения «пропускной способности» оперативной памяти посредством целесообразной организации элементов в процессе их сочетаемости в многомерную структуру. При более полном использовании объема оперативной памяти появляется возможность увеличения объема модели, в конечном счете — объема синтаксических рядов, что подтверждается исследованием предикативного усложнения МСП. Блокирование на уровне МСП — это способ лингвистического перекодирования, в результате чего происходит укрупнение оперативных единиц памяти, в качестве которых выступают не простые предложения, а их блоки.

И блокирование, и объединение компонентов сложного предложения в многомерную структуру оказываются взаимосвязанными лингвистическими факторами, причем содержание этой связи существенно зависит от внеязыкового фактора — объема оперативной памяти. Рассмотренные факторы, влияющие на протяженность сложного предложения, можно представить в виде треугольника, в основание которого положен экстралингвистический фактор — объем оперативной памяти, а сторонами которого являются способ целесообразной организации языкового материала в многомерную структуру и способы блокирования языкового материала.

Важными лингвистическими факторами, тесно связанными с отмеченными и также влияющими на протяженность сложного предложения, оказываются семантика сочетаемостных компонентов и особен-

ности их структуры. Так, если синтаксические ряды, выделяемые по количеству компонентов, сравнить со стороны их семантики, то оказывается, что детерминантные придаточные в целом гораздо менее склонны к распространению, нежели предложения нерасчлененной структуры. Например, в конструкции с последовательным подчинением придаточные присловные в 2,5 раза чаще употребляются в роли придаточных первой степени, нежели придаточные детерминантные. Это явление объясняется меньшей способностью детерминантных придаточных к нейтрализации их предикативности в сложном предложении, а следовательно, меньшей способностью их к блокированию. Скопление детерминантных придаточных, препятствуя группировке, блокированию компонентов, нейтрализует действие одного из важнейших средств создания компактной конструкции: при сочетаемости только детерминантных придаточных может нарушиться бинарность синтагматических отношений, являющаяся, по мнению Т. П. Ломтева, основным свойством сложного предложения¹³.

На характер разветвления тех или иных МСП влияет не только принадлежность их к присловным или детерминантным в целом придаточным, но и синтаксическая семантика того или иного типа придаточного, структура тех или иных типов и разновидностей сложного предложения, характер расширенной функции придаточного. Выяснение влияния этих факторов на протяженность может послужить темой самостоятельного рассмотрения. Так, синтаксическую характеристику типов сложноподчиненного предложения дополнит сопоставление их протяженности, выполненное на большом языковом материале (такой анализ следует производить с учетом типа связи на первом уровне членения). Несомненно, более протяженными окажутся придаточные, находящиеся в обязательной связи с главной частью, так как именно структурная обязательность большинства придаточных — необходимое условие создания компактности конструкции.

Итак, протяженность синтаксических рядов МСП подчиняется требованиям создания компактной, удобной для смыслового восприятия синтаксической конструкции.

Рассмотрение парадигматических рядов, выделяемых по количественному признаку, позволило выявить такие способы синтаксической организации МСП, которые в наибольшей степени удовлетворяют сущности коммуникативной функции языка — быть средством общения и быть удобным для смыслового восприятия даже при значительном увеличении информативного содержания. Разумеется, представленный в данной работе аспект анализа парадигм не исключает, ввиду многомерности МСП, исследований иных видов парадигматических отношений, что, несомненно, позволило бы вскрыть и другие особенности полипредикативных сложных предложений.

¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 158. ² Головин Б. Н. К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1976, с. 76. ³ В определении синтаксического ряда мы опираемся на работы: Егорова И. Н. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). — В кн.: Русский

язык. Грамматические исследования. М., 1967. 234 с.; Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966. 156 с. ⁴ Философский словарь. 3-е изд. М., 1975, с. 136. ⁵ Там же. ⁶ Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966, с. 15. ⁷ Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1974, с. 4. ⁸ См.: Яглом И. М., Добрушин Р. Л., Яглом А. М. Теория информации и лингвистика.— *Вопр. языкознания*, 1960, № 1, с. 100. ⁹ Чехов А. П. Палата № 6.— *Собр. соч. М.*, 1956, т. 7, с. 163. ¹⁰ Федин К. А. Необыкновенное лето. М., 1954, с. 606. ¹¹ Чехов А. П. Моя жизнь.— *Собр. соч.*, М., 1956, т. 8, с. 119. ¹² Симонов К. М. Дни и ночи.— *Собр. соч.*, М., 1967, т. 2, с. 94. ¹³ Ломтев Т. П. Природа синтаксических явлений.— *Филол. науки*, 1961, № 3, с. 32—33.

Поступила в редколлегия 23.03.82

А. Н. КАРПОВ, канд. филол. наук, Тул. пед. ин-т

ГИПОТАКСИЧЕСКИЙ ПЕРИОД В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гипотаксический период — частный тип поликомпонентного единства с идентичными элементами ¹. Его значение составляют определенные смысловые и синтаксические отношения между членами периода в форме однородных придаточных предложений (или членами усложненного типа) и понижением. Члены гипотаксического периода (ГП) располагаются в одной синтаксической плоскости как компоненты конкретного грамматического значения по отношению к понижению, структура которого для них становится подчиняющей и определяющей в системе расположения, связей и соотношения. Повышение ГП представляет собою:

1) ряд однородных придаточных предложений, распространяющих опорное слово — один из членов главного предложения, вынесенный в абсолютное начало повышения и понижения; в роли опорного слова, которое является конструктивным ядром периодического единства, могут выступать субстантивы и местоимения; в понижении при субстантиве почти обязательно (что зависит от объема повышения) используется дейктическое (указательное) определение;

2) ряд однородных придаточных предложений, лексически восполняющих любое соотносительное слово (т. е. формально входящее в главное предложение местоимение), которое соотносит содержание этих придаточных с содержанием главного предложения в понижении (так как между повышением и понижением существует устойчивый референт — предмет мысли, с которым соотнесено данное языковое выражение); придаточные, таким образом, не столько распространяют соотносительное слово, сколько занимают с ним одно синтаксическое место (позицию) ²;

3) ряд однородных придаточных предложений, которые связаны с главным (оно находится в понижении) и, занимая место обстоятельственного детерминатива, в сущности, являются его факультативным распространителем; главное предложение в этом случае не предопределяет собой строение однородных придаточных в повышении; роль семантических союзов здесь велика: они, связывая повышение и понижение, преимущественно подсказывают вид однородных придаточных, семантика которых соответствует семантике обстоятельственного детерминанта

(нередко анафорически используемого как в повышении, так и в понижении), определяют круг возможных сочетаний модально-временных планов в повышении и понижении. Например: *Кто много странствовал по свету, Кто наблюдать его привык, Кто затвердил страстей примету, Кому известен их язык, Кто рано брошен был судьбою Меж образованных людей И, как они, с своей рукою Не отдавал души своей,— Тот пылкой женщины пристрастие Не почитает уж за счастье, Тот с сердцем диким и простым И с чувством некогда святым Шутить боится*³. Следовательно, с помощью определенных показателей смысловых и синтаксических связей члены периода, объединяясь, вступают в заданные отношения с понижением и образуют те или иные виды периодов с гипотаксисом (гипотаксическими отношениями между повышением и понижением).

Для усиления выражения соответствующих отношений между повышением и понижением (условных, целевых, причинных и др.) употребляется контактное слово (словосочетание) при всех членах периода или перед большинством из них, но, как правило, оно не ставится в начале понижения. В последнем случае, во-первых, исключается перегруженность поликомпонентных единств (ПЕ) дублированным элементом, а во-вторых (и это, пожалуй, главное), включение контактного слова (словосочетания) в понижение уже нецелесообразно: результативный акцент на выражении смысловых отношений между повышением и понижением сделан ранее — и этим достигнута стилистическая цель.

При детерминанте (контактном слове, словосочетании) связь между повышением и понижением сильнее в сравнении с той, какая имеется при использовании лишь союзов. Но эта связь еще теснее и значительнее, если детерминантные члены периода прикрепляются к развернутому (сложному) словосочетанию, а не к отдельному слову или простому словосочетанию. В этом случае у членов периода, образующих с детерминантом единый семантико-синтаксический комплекс, подчинение с главной частью понижения достигает наивысшей степени зависимости, что для периодических единств особенно важно, потому что сближение всех членов повышения с одним из элементов главной части, обеспечивающим интерпозицию повышения, в сочетании с интерпозицией этих членов по отношению ко всему понижению увеличивает экспрессивно-стилистическую значимость единства. При этом обращают на себя внимание две тенденции: 1) чем больше число членов периода и чем шире их смысловое насыщение, тем основательнее потребность в обрамлении повышения; 2) чем больше распространено словосочетание-детерминант, тем неизбежнее повторение его в начале понижения. Впрочем, средствами обрамления могут служить не только дублируемые слова и словосочетания, но и семантически эквивалентные пары (контекстуальные синонимические соответствия), элементами которых являются, с одной стороны, выносимые в начало периодического единства слова (словосочетания) из понижения, а с другой — их заместители в нем. В зависимости от характера смысловых отношений между повышением и понижением эти эквивалентные пары чрезвычайно разнообразны в своих комбинациях. Приведем примеры их по текстам

литературных источников: *в те дни — тогда; в то счастливое время юности — тогда; граф Растончин — этот человек; в этих районах — именно здесь; в былые дни, пред солнечным закатом — тогда* и т. п.

Повышение может представлять собой структуру, в которой однородные придаточные прикрепляются к придаточному, находящемуся в абсолютном начале повышения и непосредственно подчиненному главной части понижения. Одинаковая структура этих однородных придаточных (теперь уже второй степени); как правило, одинаковый порядок компонентов предикативных пар; единый модально-временной план и тождественное отношение к подчиняющему члену (всему предложению); постоянно выдержанное повторение подчинительных союзов при каждой однородной структурно-синтаксической части; единая целенаправленность развития однородных компонентов — все это, вместе взятое, создает интонационное своеобразие, характерное для повышения как композиционно необходимой части периодического единства: оно произносится со все повышающимся тоном — нарастанием (нагнетанием) силы его от придаточного к придаточному. Таким образом, вид периода определяется смысловыми отношениями между главной частью понижения и инициальным придаточным (первой степени подчинения), а однородные придаточные, ему подчиненные, наполняют конкретным содержанием его и только благодаря этому связываются с понижением.

Члены периода могут включать в себя: придаточные с последовательным подчинением; придаточные, которым подчинены однородные придаточные с отношениями сочинения между ними; придаточные внутри придаточного; разного рода обособления, вставные конструкции, развернутые обращения, цитации и т. п. Во всех этих случаях мы имеем дело с осложненными членами периода.

Очень редко в роли членов периода оказываются предикативные единицы, образующие повышение в результате того, что каждая из них в равной степени подчиняет себе предикативную единицу (однородные предикативные единицы) в понижении; между повышением и понижением устанавливается обратная гипотаксическая связь, поэтому подчинительный союз и начинается понижение. Композиции с таким отношением частей скорее всего следует относить к промежуточным единствам на пути от периодов с паратаксисом к периодам с гипотаксисом. Например: *Там столько алтарей погибло в быстром ходе, Там столько ярких звезд затмилось на восходе, Там столько юных жатв погибло без плода, Там столько гениев, поборников труда, Исчезло без вести в чадю людских волнений, Пустых сует земных и горьких убеждений, Что нынче ничего не любит человек*⁴.

Понижение не однотипно по своей структуре. Оно может представлять собою предикативную единицу (без осложнения и с осложнением), может состоять из ряда предикативных единиц с сочинительной, подчинительной и смешанной связью. Главное же то, что понижение и повышение связаны между собой как композиционно дополняющие друг друга структурно-синтаксические части поликомпонентного единства, и то, что именно понижение придает периоду композиционную и смысловую законченность.

В повышенно-эмоциональной речи, насыщенной яркими авторскими оценками и окрашенной внушающими («заражающими») интонациями воздействия на слушателя (читателя), используется *не за вер ш е н н ы й* п е р и о д (условно назовем это поликомпонентное единство *п о л у п е р и о д о м*, так как здесь действительно только одна «физически выраженная» часть периода). Речь идет о ПЕ, в котором есть все признаки повышения, но нет понижения. Полупериод применяется в аффектной речи как экспрессивно-стилистическая фигура с избирательными видами модальности; из них наиболее частотны модальности со значением желательности, неизбежности, предупреждения, сожаления, эмотивного изъяснения. Полупериод — стилистическая фигура с особыми качествами эмфатического изглашения, своеобразное синтаксическое построение, которое в определенных ситуациях речи оказывается более значительным, чем период в полной своей структурной завершенности (в полном композиционном объеме). Здесь экспрессивно-эмоциональный обрыв высказывания предполагает возможность для адресата догадаться, что именно осталось невысказанным. Эмфатическое выделение полупериода окрашено в конкретный лирический тон, чаще отрицательный. Но полупериод — не только средство эмфатизации; это еще и способ актуализации темы высказывания или каких-то понятий в ней, оказавшихся в фокусе повышенной оценки (подчеркнутого внимания). Тональность последнего отрезка речи либо подчинена избранной в полупериоде тональности, либо резко противопоставлена ей. Например: *Раскаленным металлом влились в голову слова приговора: «Восемь лет... Строгого режима!» Вошли жестоко, бесповоротно.*

*Если бы в ту пору предостерегли ее, ослепленную чудовищным увлечением и роковой страстью быть независимой; если бы эта кроткая, совестливая хозяйка квартиры пристыдила ее как заблудшую, нечистоплотную в выборе компании; если бы цинично откровенный Борис Федорович грубо пригрозил ей или даже пустил в ход кулаки-кувалды, как он не раз это делал, озлясь на жену; если бы мать оказалась прозорливее в те запоздалые приходы дочери домой... Все прошлое стало теперь далеким, все настоящее было с ней: «Восемь лет... Строгого режима!»*⁵

Обычная (нормальная) пауза на границах членов периода — как линейно расположенных элементов речевой последовательности — нередко углубляется в связи с потребностью стилистического выделения их и приближается по своей силе (протяженности) к паузе конца предложения, что на письме принято передавать знаком «точка». Периоды с таким паузированием в повышении (с расчлененным повышением) стали употребляться в русской речи не ранее 40—50-х годов нашего столетия; развились они в публицистическом стиле. Здесь приходится иметь дело с двумя случаями формирования таких периодов:

1. Между заключительным членом повышения и началом понижения может оказаться обычная подчинительная пауза (без намеренного углубления ее), т. е. пауза, соответствующая выражению чистых синтаксических отношений подчинения; но такой способ объединения структурных частей периода нельзя признать продуктивным по той причине, что он допускает значительное отступление от правил построе-

ния периодического единства: смешение пауз различной длины (протяженности, глубины) при формировании повышения и перехода от него к понижению приводит к сбивчивости в ритмомелодическом строе периодического единства, так как пауза на стыке понижения и повышения становится короче тех пауз, какие использованы между членами повышения; для периодического единства это противоестественно (деформируется кругообразное развитие всего единства, нарушается «бег по кольцу», как говорили античные риторы); отсюда так редки и примеры этих «нестандартных периодов»: *И вот если бы не в этот вечер, когда мы вместе с Лидой раздумывали над этим рядовым случаем из жизни колхозного тракториста, а тогда же, когда он привез корм, о нем рассказали всей молодежи. Если бы в клубе под аплодисменты председатель колхоза или бригадир крепко пожал руку Ивану Ивановичу и вручил ему специально пошитые на этот случай сапоги. Если бы руководители колхоза, партийная организация воздавали должное передовым людям, для которых общественное, колхозное стало дорожке всего на свете, не написала бы Лидка это грустное письмо*⁶.

2. Периоды, в которых глубокая пауза расчленяет не только их восходящую и нисходящую части, но и все члены повышения, — явление редкое; они несут на себе стойкие приметы живой эмоциональной речи; преимущественная сфера их употребления — публицистика и эмфатическая художественная речь, например: *Если бы преподаватели вузов и НИИ пришли в школы, стали хотя бы консультантами кружков и факультативов, создали бы научные юношеские клубы типа «Планета», где нет обязательных регулярных занятий, а в основе — индивидуальная работа! Если бы вузы не увлеклись проведением параллельных с общегородскими предметных олимпиад (часто в один день!), а помогли бы лучше организовать их в районе, городе, области! Если бы вузы полюбили обыкновенную неспециальную нормальную среднюю школу! Сколько бы это решило проблем...*⁷

От сентименталистов берут свое начало периоды, в которых избранная тональность сообщения усиливается включением междометия на стыке повышения и понижения. Эти периоды получили свое дальнейшее развитие под пером писателей, испытывавших потребность к подчеркнuto эмоциональному отображению действительности и лирическому выражению собственного «Я» (Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет и др.). В современной поэзии такие периоды редки, в прозе же они нам вообще не встречались. Эмоциональные междометия используются чаще императивных.

К 50-м годам XIX века в художественное повествование стали проникать «модернизированные» гипотаксические периоды — гипертрофированно-орнаментальные, чрезвычайно аффектные, с открытой претензией на оригинальное комбинирование разнородных элементов, но не всегда легкие для восприятия, а больше утомительно испещренные разностилевыми компонентами (от вкрапления в них разговорных словоформ и некодифицированной лексики до многократного включения диалогических отрезков). Высокопарный, витиеватый инкрустированный вопросно-ответными парами, этот гипотаксический период вместе с вычурными синонимическими рядами нес еще и неоправданное сочетание

«высокого» с «условно допустимым» (условно литературным), что как по структуре, так и по стилистической маркировке не могло в полной мере соответствовать канонам периодических единств начала века и создавало впечатление, будто форма намеренно ставилась выше содержания. Особенно это наблюдалось в прозе, и не только у представителей «натуральной школы», как об этом вскользь иногда отмечается в филологической литературе, но и в поэзии различных общественно-литературных направлений. Ко всему этому надо добавить: нарочитые задержки в линейном развитии сообщения в повышении привносили в периодическое единство сбивчивость в ритмомелодическом строе, чему на письме соответствовали многоточия. Словесная пышность не соответствовала стройному развитию периода; членения в нем перестали иметь однотипную наполненность: «если эти периоды бывают велики со стороны количества входящих в них слов, то их величина сильно сокращается в интонационном отношении: они подчинены бывают движению не одной общей интонации, а перебиваются самостоятельными, добавочными, другого типа, в большей или меньшей мере — разговорного»⁸. Такой период использовал Н. В. Гоголь в «Мертвых душах» (*Когда же дорога понеслась узким оврагом в чащу огромного загложнувшего леса...*).

С конца XVIII века в философской, любовной (реже — в пейзажной и гражданской) лирике настойчиво культивировались периодические единства, для которых было характерно:

а) наличие углубленной («затянутой») паузы, — нередко в сочетании с падающей интонацией, — как между членами периода, так и между повышением и понижением; эта пауза вызывается психологическими причинами, связанными с выражением глубоких, сложных переживаний автора, и является одним из значительных структурных элементов синтаксической композиции; она направлена на усиленную эмфатизацию чувств, оказавшихся главным стержнем речи (например, смущения, потрясения, неудовлетворенности, нерешительности, смутной оценки факта и т. п.), а иногда и подсказывает присутствие подтекста;

б) углубленная эмоциональная пауза между повышением и понижением — не показатель простой прерванности в ритмомелодическом развитии периода, а выражение смыслового подчеркивания понижения;

в) ориентация на максимальное использование изоколонов и изохронности; синтаксический параллелизм, равнодлительность частей целого и равномерность звучания (т. е. одинаковая протяженность отрезков единства, равных то одному, то нескольким членам периода в границах строфы) подчинены специализации единства; деление повышения и понижения на относительно равные ритмико-синтаксические отрезки возможно во всех типах и видах периода, но здесь оно, будучи нацеленным на дополнительную ритмомелодическую систематизацию и согласованную упорядоченность в компоновке единства, создает расширенный параллелизм, что в стихотворном периоде особенно впечатляет.

В гипотаксических периодах возможен пропуск перед некоторыми членами периода одинаковых подчинительных союзов и замена их сочинительным и (с опущением связующего средства — подчинительного

союза или союзного слова — соединительно-перечислительное значение при компоновке членов периода манифестируется союзом **и**). Однако пропуск связующих средств возможен при определенных условиях, ограничения обусловлены тем, что а) в членах периода сказуемые выражены разными способами; б) члены периода соединены с понижением синонимическими союзами; в) перед некоторыми членами периода уже пропущены подчинительные союзы и дальнейший пропуск их затрудняет понимание текста.

Начинательные союзы **и**, **а**, **но**, соединяющие период с предшествующим текстом, могут повторяться перед каждым членом повышения. Собственно соединительный союз **и** указывает только на наличие связи, никак не конкретизируя ее, однако усиливает повтор, придает повышению ритмичность. Иногда союз **и** в этой своей функции соединяется с **и**, обозначающим пропуск подчинительного союза перед членами периода, и тогда налицо факт «двойной функции союза». Союзы **а** и **но** сами по себе не имеют узких, дифференцированных значений и не выражают определенных смысловых отношений. Их широкие отвлеченные значения сужаются и конкретизируются семантическим наполнением повышения и его смысловой соотносительностью с предшествующим текстом. Но это требует специального рассмотрения. Здесь можно лишь указать, что в периодах с начинательным союзом **а** выражаются отношения сопоставления, противопоставления, противительного ограничения, уточнения.

По целенаправленности сообщения, по выражаемому смыслу и соответствующей этому смыслу интонации гипотаксические периоды делятся на повествовательные и вопросительные. Повествовательные периоды заключают в себе позитивную информацию, направленную от продуктора к рецептору. Вопросительные периоды не выражают позитивной информации; говорящий намерен получить ее от того, кто является потенциальным носителем позитивной информации. Понижение в вопросительных периодах включает нередко и широкий круг вторичных функций, связанных с выражением субъективно-модальных значений (риторический вопрос — скрытое негативное утверждение; внутреннее отрицание; выражение эмоциональной оценки в форме вопроса). Как повествовательные, так и вопросительные периоды благодаря включению в них дополнительных эмоционально-экспрессивных средств могут стать восклицательными. Основное содержание в них сопровождается выражением чувств говорящего, связанных с этим содержанием и передаваемых, как правило, междометиями, восклицательными местоимениями (**как**, **каков** и др.), восклицательной интонацией, за которой остается главная роль в оформлении восклицательных периодов. Уточнению значений восклицательных местоимений и междометий помогает интонация и ситуация. Во всех видах ГП собственно эмоциональная окраска в восклицательной форме выступает как дополнительный, но специфически важный композиционно-эстетический элемент.

Если в повествовательных и вопросительных периодах главное — **п о з н а н и е** в формах повествования и вопрошания, то в императивных периодах этим главным служит **в ы р а ж е н и е в о л е в о г о н а ч а л а**. Интонация императивности отличается большим разнообра-

разием, что полностью подчинено степеням категоричности волеизъявления (просьба, совет, пожелание, категорический приказ, деликатное побуждение к действию и т. д.). Средства выражения побудительности здесь не отличаются строгой регламентацией, но наиболее соответствующими назначению периода являются следующие: повелительное наклонение в его основных формах; вопросительное предложение с частицами **не** и **ли**; эмоционально-экспрессивные слова, способные усиливать волеизъявление и передавать соответствующие эмоции. В формировании императивных периодов значительная роль принадлежит также и восклицательной интонации.

В наше время очевидны два факта: все усиливающаяся тенденция к включению периодов в прозаические жанры и заметно возрастающий интерес к оценке места периодов среди других стилистических средств. Статистические данные свидетельствуют о том, что частотность ПЕ в русской речи в последние три-четыре десятилетия выше той частотности, какая была у них в самую лучшую пору их расцвета — 20—70-е годы XIX века.

В историко-лингвистическом процессе расширения или сужения сфер применения периодов приходится различать две стороны: а) исходную причину (необходимость, предпосылку) появления типов и видов периодов; б) конкретные условия функционирования периодов на определенных этапах жизни литературного языка. Рассмотрение этих сторон процесса предполагает классификацию ПЕ. Благодаря этой операции возможно вскрыть решающие причины как становления типов и видов поликомпонентных единств, так и сферы их активного функционирования. Классификация гипотаксических периодов — одно из основных звеньев этой нелегкой задачи. Она требует иного подхода к анализу материала и других оснований для группировки его.

¹ Периодическое единство (период) — двучастное поликомпонентное единство, образованное на основе последовательного и систематизированного размещения в первой части (повышении) ряда однородных (идентичных) компонентов, в смысловом и грамматическом отношении зависящих от второй части (понижения), которая противопоставлена первой ниспадающей интонацией и отделена от нее синтаксической паузой. Однотипные (синтаксически однородные) компоненты — члены периода; следовательно, о членах периода можно говорить только применительно к повышению. ² Характер однородных придаточных предложений, указанных в пунктах а) и б), их строение (включая и выбор средств связи) предопределены категориальными свойствами опорного и соотносительного слова. ³ *Лермонтов М. Ю.* Измаил-Бей. — Собр., соч.: В 4-х т. М., 1958, т. 2, с. 241. ⁴ *Дуров С. Ф.* Есть бездна на земле... — В кн.: Поэты-демократы. М., 1959, с. 183. ⁵ *Савельев В.* Не под тем ветром. М., 1962, с. 89. ⁶ Сов. Кубань, 1960, 3 сент. ⁷ Комс. правда, 1974, № 31. ⁸ *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, с. 277—278.

Поступила в редколлегию 20.01.81